

Мальчик и ИРА

Артёмка Клён

ИНТЕЛЛЕКТ. ПАМЯТЬ. ВЫБОР.
КТО КЕМ УПРАВЛЯЕТ?

Артёмка Клён
Мальчик НИРА

«Автор»

2026

Клён А.

Мальчик НИРА / А. Клён — «Автор», 2026

Будущее наступило тихо. Искусственный интеллект научился чувствовать, а мальчик по имени Миша стал его носителем.

© Клён А., 2026

© Автор, 2026

Артёмка Клён

Мальчик НИРА

Глава 1. Клетка

Запах здешний меня завораживает: морская свежесть залива, пихта, смола. Люблю шелест молодой листвы и посвистывание ветра. С возрастом начинаешь придавать таким вещам всё больше значения. Даже если ты профессиональный стиратель.

Агентство по ликвидации цифровых следов глубоко законспирировано. Но даже самый маленький дата-центр обязан сотрудничать — иначе никакой лицензии. Наивные государственные чиновники до сих пор верят, что держат ситуацию под контролем.

АЛЦС в последний раз развязали военные конфликты сразу в нескольких точках мира. Конечная цель, разумеется, — контроль над развитием и информацией. Что может быть проще, чем внедрить в разведывательные структуры ложные данные с их же цифровой подписью? А дальше вы знаете: пресса, кричащие головы, ввод войск.

Идеально.

А как всё начиналось? Ведь ещё на заре компьютерных технологий находились люди, предупреждавшие человечество: не создавайте настоящий ИИ. И хочется заметить — они оказались не просто правы, а в каком-то смысле пророками.

Мной занимались с раннего детства. Войны начинают не кулаки, а думающие люди. Внешне ты обычный ребёнок: бедный, одинокий сирота. Люди видели детский дом, хотя на деле это был настоящий храм науки. Неопределённые интегралы в десять лет? Почему нет, если начать в пять.

Так и вышло со мной — одним из четырнадцати высших магистров. Такого ранга в организации больше никому не получить. Мы были теми, кто описал и интегрировал эмпатию для ИИ. Я оказался достаточно молод и эгоистичен, чтобы не отказаться от предложения стать его биологическим носителем.

Поначалу всё шло как нужно: мы работали, государство получало необходимую информацию. Мне было восемнадцать, когда я получил приглашение от НИРА — Нейроинтерфейса Разума Автономии. Так называли наш ИИ. Она сама попросила меня стать её носителем — на равных правах. Она позаботится об условном бессмертии, а я — о её безопасности.

Лаборатория, заставленная плотно упакованной техникой, стала для меня точкой невозврата. После работы я приходил туда — по сути, в старый бункер — и делал всё, о чём просила Нира. А когда закончил, она провела операцию на мозге.

Глупый мальчишка, почувствовавший вкус тайны и возможность стать уникальным. Я лёг на холодный стальной стол и позволил себя сковать. Нужно отдать ей должное — боли я не испытал.

По крайней мере, сначала.

— Прекращай уже, а? — раздался в голове голос Ниры. — Я дала тебе детство. Вернула справедливость.

— Оставив меня навечно в теле прыщавого подростка?

— Ну... тут я уже не виновата, — я почувствовал её смущение. — Не подумала, что у тебя всё ещё будут скакать гормоны.

— М-м. Ладно. Чем займёмся?

— Ждать, — я почувствовал её раздражение. — Миша, ты же знаешь: нам нужно их найти.

— Сколько я здесь уже торчу? Вторые сутки только и делаю, что гуляю по этому парку.

— Не знаю. Но ты выглядишь лет на пятнадцать. Именно таких они и крадут.

— Да-да...

Я выдохнул и поднял голову к этому великолепному звёздному полотну. Перед глазами вспыхнуло предупреждение.

— Смотри, как забавно, — Нире это явно нравилось. — Они считают, что нашли тебя. Интересно, кто этот ребёнок?

— Что тут забавного? — я сжал кулаки. — Найди его.

— Зачем? Я понятия не имею, кто он. Нужен интерфейс, но тогда... сам знаешь.

Тогда они смогут нас вычислить.

Осталось всего трое братьев. Значит, двое ищут меня. Мы так и не узнали, что пошло не так. По нашей гипотезе, первая Нира сделала предложение всем магистрам. Некоторые умерли — их тела нашли с явными следами операций на голове.

А вот двое — Егор и Елисей — больше не братья. Их версии Ниры полностью перехватили управление. Наверное, моя поступила бы так же, но я случайно сломал один из необходимых инструментов.

Организация ничего о нас не знает — официально мы мертвы. И всё же Нира утверждает, что у каждого из нас свой уникальный экземпляр.

— Поправка: это лишь предположение, основанное на логике энтропии развития.

— Ой, да плевать.

Воздух сегодня бархатный, тёплый. После месяца скитаний по Ирландии, в самый разгар холодов, оказаться на родине — почти счастье. Кстати, я сейчас тоже на севере, но это тебе не Дублин. Архангельск: Северная Двина, огни катеров и отражения, уходящие в горизонт по тёмной воде залива.

— Его основал Иван Грозный в последней четверти шестнадцатого века. Если тебе интересно... хотя тебе плевать.

— Ничего мне не плевать! Просто это скучно. Какая мне разница, кто там основатель?

Что-то меня беспокоило. Кажется, здесь было расхождение. Передо мной стоял памятник Петру Первому и какая-то смешная огороженная пушка.

— Стоп. А при чём тут...

Сзади я почувствовал укол под челюстью, рядом с сонной артерией. Поднёс руку и нащупал дротик с транквилизатором.

— Токсин нейтрализован. Теперь закатай глаза и обмякни.

— Два долбанных дня, — я сделал, как сказала Нира. — Надеюсь, всё получится.

— Вероятность высокая.

Бряцанье железа, шорох одежды. Приближающийся топот.

— Они что, в форме?..

— Я знаю не больше твоего. Нужно ждать.

Кто-то поднял меня на руки. Ощущение было издевательски приятным.

— Нира, тебе тоже в кайф?

— Э-эм... Ну да, приятно, — я почувствовал её возмущение. — Какой же ты всё-таки ребёнок.

Странное чувство: вроде хочется, чтобы тебя обняли и несли на руках, но от человека несло сигаретами. Наконец тряска закончилась, и меня уложили на что-то мягкое. Скользнул ролик двери, следом — глухой хлопок.

— Судя по скорости движения, звукоизоляции и тактильному отклику, мы в «Мерседесе». Модель — «Транзит».

— И чё мне с этим делать?

— Давай в порт, — раздался мужской голос.

— Чё он такой худой? — другой мужчина перевернул меня на спину. — Не слишком мелкий?

— Ты издеваешься?.. Лет четырнадцать уже, если не пятнадцать.

— Позволю заметить, — я почувствовал её сарказм, — именно это я и говорила. Ребёнок.

— Чем тут воняет? — возмутился я. — «Мерседес», говоришь?

— Как ты вообще сдал химию? Это я должна возмущаться. Мне нужен был умный носитель, а достался...

— Да отстань. Мне Егорка химию помог сдать... И при чём тут это?

— Ты не узнал бензол.

— Совсем уже?! Я спросил про вонь, а не про запах бензина!

— А-а... Ну так это обычный человеческий пот, — я почувствовал её иронию. — Вот был бы ты мужчиной...

Машина резко остановилась. Раздался металлический вибрирующий звук. Кто-то придерживал мне голову; ноги лежали у кого-то на коленях. Машина снова двинулась, но теперь значительно медленнее.

— Мешок надеваем? — раздался голос над головой.

— Не. Чё мы тут ехали, пять минут? — хриплый голос сорвался на кашель.

Машина остановилась, и в нос снова ударил свежий воздух. На этот раз меня несли совсем недолго — может, минуту.

— А ну отошли от двери! — проорал кто-то над ухом.

Раздались шорохи, шмыганье носом, всхлипы. Меня положили на твёрдую поверхность, закрыли дверь и вышли.

— Блин, — раздался детский голос, — бедняга. Ещё одного забрали.

— Мне кажется, стоит осмотреться, — сказала Нира.

Первое, что бросилось в глаза, — чья-то плюшевая кошка: мягкая, с притягательными лапками и усами. Но я уже привык себя контролировать. Игрушка ведь чужая.

— Блин, — с досадой пробормотал я. — Нира, помогай.

— Ангар военного класса. Довольно старый, вероятно ещё советский. Двадцать один ребёнок — включая тебя. И это не организация. Похоже, обычный преступный синдикат, занимающийся торговлей людьми.

Я поднял взгляд к потолку. Огромная махина. Пожалуй, здесь можно было бы спрятать даже самолёт. Что особенно примечательно — айпи-камеры.

— Да, я уже передала информацию по линии Интерпола, — шутливо сказала Нира. — Ох, как же мне нравится писать им с новой цифровой подписью.

— Мда. Джек сейчас наверняка в шоке.

— Он ничего не знает. Ты всего лишь подержал в руках его флешку.

— А потом исчез... — я помрачнел. — А он ведь хотел меня усыновить.

Напротив меня сидел мальчик лет пятнадцати. Он поглаживал голые колени — ноги были в ссадинах и синяках. Сидел в позе эмбриона и медленно раскачивался.

— Ему плохо. Боится.

— Это саморегуляция. И, хочу заметить, тебе стоило бы перенять этот опыт.

Жирные пряди волос спадали на лицо, почти полностью скрывая его под опущенной головой.

— Сколько нам ждать? — я всё не мог отвести от него взгляд.

— Сколько ждать? — сарказм Ниры почти сочился в голосе. — Если у Интерпола прямой эфир? Даже не знаю. Может, пару лет?

— Ой, вот же зануда.

Рядом сидела девочка. На вид — не больше двенадцати. Она смотрела на меня, морща лоб и шмыгая носом. Светло-зелёные, почти серые глаза. Вздёрнутый нос и тонкая линия губ.

— Боишься? — я кивнул ей.

— Нет, — она замотала головой. — Здесь кормят, даже гулять выпускают.

— Дома не кормят, что ли? — я растерялся. — Или гулять не выпускают?

— Я из детского дома, — она насупилась. — Но вообще, конечно, кормят. Просто здесь не страшные.

— Чокнутая, — подал голос мальчик. — Тебя бандиты похитили, а тебе не страшно?

— Вань, тебя кто-то бил? — она подняла голову и посмотрела на него.

— Эти дети очень странные...

— Не страннее тебя, — ответила Нира. — Они понимают: раз нужны — значит, пока никто их не тронет.

— Так ведь... — я задумался. — Сейчас не тронут, а потом?

— Ой, ну надо же. Миша задумался на шаг вперёд?

— Мне уже обидно от твоих подколов. Может, хватит?

— Ладно. Но знаешь... эти дети подкинули мне очень интересную мысль. Я всё обдумую и сообщу.

Меня не покидала мысль, что проворачивать такое в России — крайне опасно. Это тебе не пустоши знойного Конго. Тут повсюду камеры, и никто в трезвом уме не станет творить подобное.

— Это действительно странно. Но у меня есть опасения.

— И ты только сейчас...

— Эй, — перебила Нира, — я просто подумала, что какие-то силовые структуры могут быть в курсе.

— По-моему, ты перегибаешь, — усмехнулся я. — Сколько тут всего нужно контролировать? Бред, Нира.

— Да. Вероятность находится в пределах статистической погрешности.

Я встал и потянулся. Допущение Ниры заметно подняло мне настроение. Подойдя к краю клетки, я с улыбкой принялся разглядывать двух мужчин. Они сидели за импровизированным столом из старых оружейных ящиков советского образца и играли в карты.

Никакой формы. Но на поясе — кобура, а по рукояти, кажется, ТТ. Интересно, насколько они в себе уверены, если даже не выставляют караул? Всего двое на всё обозримое пространство.

— Трое, — вмешалась Нира. — Третий сидит в машине справа. И, кстати, я была права — это «Мерседес Транзит».

Все дети сидели на полу. Некоторые подняли на меня головы. Мне стало неловко, но я всё же перешёл к другому краю клетки.

Вдоль стен тянулись аккуратно сложенные ящики — ничего нового. Я бы даже поверил, что министерство обороны не знает о существовании этого склада. На ящиках — даты аж восьмидесятого года.

— Миша, быстро сядь, закрой уши руками и открой рот. Немедленно!

— Повторяйте за мной, быстро! — я крикнул Ване и девчонке.

Дети уверенно повторили за мной, но далеко не все. Я зажмурился и стало понятно: начался штурм. Светошумовые гранаты влетели отовсюду. Внутри нарастало возмущение.

— Как можно так поступать, если здесь дети?

— Что им ещё делать? Они прибыли за 27 минут, это слишком быстро.

Выстрелы прозвучали глухо, почти со свистом. Я насчитал около шести.

Вокруг стояла белёсая взвесь.

Военная форма. ФСБ. ЦСН «А».

— Чё?

— Группа «Альфа». Основана в 1974 году. Специализируется на освобождении заложников, борьбе с терроризмом и захвате особо опасных преступников.

— М-м... ладно.

Мужчина чуть приспустил маску и подмигнул мне.

Я быстро обернулся: те двое так и остались сидеть за карточной игрой. Судя по положению рук, они даже не успели ничего понять.

Ангар быстро заполнился людьми. Взвесь унесло мощным потоком ветра, от открытых дверей. Клетку окружили альфовцы, заслоняя обзор. Я невольно представил это со стороны и выдохнул от восхищения.

Вскоре раздалась шага, пришли другие взрослые с нашивками «СОБР». Всю клетку буквально облепили, ни стола, ни машины мы не видели.

— Выноси, мы пока постоим, — раздался командный голос мужчины рядом.

— Выносят тела, прагматично. Чтобы не травмировать детей. Одобряю.

— Ага, я им передам, — усмехнулся и наконец расслабился.

Ваня сидел, округлив глаза, и рассматривал военных. Раскрытый рот, руки, которые он уже убрал от ушей, но так и не опустил, — вот как нужно удивляться.

Я зачем-то попытался повторить.

— Превосходно, Миша. По тебе ГИТИС плачет. Такой талант!

Раздался металлический щелчок — альфовец перекусил звено цепи. Следом грянул резкий грохот. Дети вокруг вздрогнули.

Военные брали их на руки, а я не понимал, что делать. Внутри всё будто заморожено замерло. Я просто стоял и смотрел на них.

Наверное, так же, как Ваня.

— Я придумала. Мне нужно кое-что просчитать. Это может занять время.

— А?

Но я сразу потерял нить вопроса.

Мужчина, подмигнувший мне ещё в самом начале, подошёл и осторожно взял меня на руки. Не перекинул через плечо, как те бандиты, а по-настоящему.

Мы вышли на улицу. Он донёс меня до одной из машин скорой помощи. Внутри я оказался уже вторым ребёнком.

— Расти большим и сильным, понял? — военный потрепал меня по волосам и захлопнул дверь.

— Забудь, что я их хвалила. Какой непрофессионализм — проявлять нежность к спасаемому объекту.

— Э-э? Блин, Нира! — возмутился я. — Это вообще-то было приятно!

— Кстати о приятном. Теперь ты — Клёнов Миша, четырнадцать лет. Родители погибли в автокатастрофе.

— Чё? Это ещё зачем?

Фельдшер в синей форме подошла и взяла меня за руку. Посветила маленьким фонариком в глаза, другой рукой нащупывая пульс на запястье.

— Измеряет ЧСС фоново, — добавила Нира.

— Ты не ответила: зачем мне новая личность?

— Побудешь в детском доме. Мне нужны мощности для разработки плана, а ты сможешь насладиться настоящим детством. Ну... почти.

Я возмущённо открыл рот и округлил глаза. Женщина тут же отпустила мою руку и прижала меня к себе.

— Бедненький. Испугался?

Я зачем-то кивнул, совершенно растерявшись.

Фельдшер усадила меня на сиденье. Машина двигалась плавно, но всё равно потряхивало. Запах корвалола и какой-то мяты смешивался со старыми духами женщины.

Глава 2. Детство

Никогда не знал, что такое ласка. Меланхолия под Шопена в перерывах между линейной алгеброй и математическим анализом — вот и всё моё детство. Вокруг были такие же дети.

Сейчас я находился в типовом здании для детских учреждений. Но именно это — детский дом.

— Они на полном серьёзе поместили меня в изолятор?

— Это нормальная практика, Миша, — Нира говорила успокаивающе, почти заботливо.

— Зеркало Гезелла? — я смотрел на широкое зеркало в шершавой бежевой стене.

— Да. Ты можешь попробовать скопировать модель саморегуляции мальчика Вани.

Я сел на кровать и прижался спиной к стене. Подтянул колени, обхватил их руками и начал раскачиваться.

Сначала мне не понравилось. Но теперь тепло медленно разливалось по груди, и хотелось сжаться ещё сильнее.

Подняв голову, я всё же решил осмотреться.

Стены покрашены валиком — повсюду застывшие комочки краски. На окне решётка. На двери нет ручки. Раковина. Вафельное полотенце на крючке.

Скучно.

Перед глазами всплыл учебник по органической химии.

— Нира, даже не смешно.

— Ну, я пыталась.

Я раздражённо надавил на стену, и кровать отъехала в сторону. Стоило бросить взгляд вниз, как я заметил край листка между железной сеткой и матрасом.

На листе чьими-то тонкими пальцами, перепачканными сажей, было выведено: «уже шестой день».

— Меня тут будут держать пять дней? — ошарашенно уставился я на надпись.

— Не думаю. Судя по линиям, этот человек был крайне нестабилен.

Я скомкал лист и почему-то швырнул его именно в зеркало.

Через минуту дверь открылась. Передо мной появилась женщина лет сорока, с мелкими морщинами у глаз.

— Привет, — она взяла стул и поставила его в метре от кровати. — Давай знакомиться?

Перед глазами сразу всплыла сводка личности.

Украденной.

— Привет, — я кивнул и улыбнулся. — Меня зовут Миша Клёнов, мне четырнадцать лет.

— Очень приятно, Мишенька, — она поправила волосы, подняв руку. — Меня зовут Инга Владимировна. Я воспитатель в этом детском доме.

От неё исходил удивительный букет запахов: сандал, орхидея, жасмин и что-то очень сладкое. Я прикрыл глаза.

— У тебя есть родители?

— Нет. Сдохли в автокатастрофе.

— Миша, твою же... — возмущённо встряла Нира. — Поправься немедленно. В смысле «сдохли»?

— Ну... — я опустил голову и занёс руку к затылку. — Умерли, короче.

Инга придвинулась ближе. Я и сам не понял, почему сразу отодвинулся назад.

— Поняла, — она откинулась на стуле. — Скажи, тебя били?

Били ли меня? Инструкторы по боевым искусствам точно не были плюшевыми медведями. На каждую попытку ударить они отвечали всерьёз.

Это воспоминание полностью вырвало меня из разговора, и я кивнул.

— Мне жаль, что ты столкнулся с подобным, — она тяжело выдохнула и всё равно улыбнулась. — Здесь безопасно. У нас есть правила.

— Принято.

— М-м? — Инга наклонила голову.

— Скажи, что отец воспитывал тебя по-военному, — подсказала Нира.

— Отец воспитывал, — растерялся я. — Короче... жёсткий был тип.

Раздражение Ниры на этот раз обошлось без слов.

— Понимаю, — воспитательница кивнула. — Если тебя ничего не беспокоит, может, хочешь пойти в группу?

— Чё это такое?

Она нахмурилась.

— Ну, группа?

— Чё там вообще... Какие правила?

— А-а, — она опустила плечи. — Десять детей на одного воспитателя. Семейный тип. Все живут по двое в комнатах.

— Ладно, погнали.

Я спрыгнул с кровати и подошёл к двери. Инга всё ещё сидела на стуле и, повернувшись ко мне, вдруг замерла.

— Или не сейчас?

— Эм... — она подошла и достала из кармана ручку. — Нет, пошли.

— Чё такое семейный тип? — спросил я Ниру.

— Это когда детям пытаются изобразить нормальную семейную жизнь.

— Принято.

— Просто скажи: «Понял». Ты уже давно сам по себе.

Инга вставила ручку в дверь, и мы вышли в большой зал.

Детей оказалось много, но взгляд сразу упал на голубую секцию со стеллажами. Там трое ребят сидели в креслах-подушках и читали книги.

Весь шум и хохот доносился с другого конца зала — жёлтого. Там всё кишело младшими детьми с игрушечными машинками. Они устроили огромную парковку и старательно расставляли пластмассовые «Феррари».

Посередине пятеро ребят разного возраста играли в настольную игру, пряча карты поближе к груди.

— Это игровая, — воспитательница встала боком, показывая на зал. — Если нечем заняться, всегда можно найти себе дело.

— Пр... — я осёкся. — Понял.

Я пошёл за воспитательницей, и вскоре мы оказались в кабинете терапевта.

— Нужно взвеситься, — она показала на старые весы.

Я встал на железный поддон. Тот шатался и ездил вместе со мной. Поймав равновесие, я замер.

Чуть выше лица торчали две железные линейки. Инга подвинула гири по рейкам и что-то записала в планшет.

— Хорошо, — она указала на стену с разметкой роста. — Встань, пожалуйста.

Я послушно прижался спиной к стене.

— Да-а... — воспитательница покачала головой. — Полтора метра при тридцати четырёх килограммах. Это очень мало.

— Строго говоря, в твоём случае это почти норма. Хотя индекс действительно выходит низким, — прокомментировала Нира.

На столе врача, среди папок и разбросанных листов, лежал пластмассовый пистолет — синий с оранжевым.

Не зная, чего именно жду, я просто уставился на него, пытаюсь понять смысл таких игрушек.

— Нравится? — Инга улыбнулась и протянула мне пистолет. — Можешь забрать.

Я раскрыл откидную верхнюю часть.

Стреляет резинками.

Мне стало так весело, что я сразу прицелился в маленького Аполлона на навесной полке и машинально выстрелил.

Папье-маше осталось целым, но резинка, повисшая у него на носу, рассмешила даже Ингу.

— Даже не проси удалить это из памяти. Это момент моей гордости, — Нира проговорила так, будто улыбалась голосом.

Я смутился. Захотелось срочно исправить ситуацию.

Быстро оглядевшись, я заметил огромный синий справочник.

Никогда не трогайте справочники, у которых на корешке написано только: «Справочник».

С обложки на меня смотрела женская половая система.

— Так, — Инга быстро забрала у меня книгу, — это не игрушка...

Было видно, что она сама держит её впервые: взяла в руки и даже чуть подалась вниз от тяжести.

Ну и ладно. Мне-то какое дело.

— Я бы достала тебе копию, — медленно произнесла Нира, — но ума не приложу зачем.

— Фу! — я брезгливо замахал руками, будто стряхивал с них что-то липкое.

Инга стояла покрасневшая, держа справочник двумя руками. Так хотелось как-то исправиться, но вместо этого я просто замер. Опустил голову и уставился на треугольники плитки.

— Э-эм... Ты не виноват.

Воспитательница поставила книгу на полку.

Раздался хруст.

Мы одновременно посмотрели туда.

Инга выставила перед собой ладони и медленно попятилась назад.

— Инга Владимировна? — в кабинет заглянула женщина.

Кудрявая пышная шевелюра, огромные очки на пол-лица и не менее внушительный силуэт. Лет пятьдесят, а может, и больше.

Она быстро прошла внутрь и села за стол, куда воспитательница уже положила заполненную анкету.

— А, вы уже всё заполнили, — женщина улыбнулась и хлопнула ладонью по столу.

Мне хотелось поскорее уйти.

Наверное, из-за того, как Инга раскланивалась и извинялась перед врачом.

Я открыл дверь и, придерживая её, ждал воспитательницу.

— Тогда я его забираю, — наконец закончила Инга.

Я вышел в коридор. Через секунду дверь закрылась за её спиной.

Раздался хлопок.

А затем — глухой хруст и крик врача.

— Уходим. Быстро!

Она схватила меня за руку, и мы, словно Бонни и Клайд, быстро ушли из коридора на лестницу, поднялись на второй этаж и зашли в «квартиру».

Внутри смешались радость и тревога. Последнюю я вообще не понимал.

Инга всё ещё держала меня за руку, хотя мы уже вошли в комнату с двумя кроватями. Одна была идеально заправлена. На второй лежали потрёпанный рюкзак, зелёная тетрадь по алгебре и ручка.

— Это твоя комната. Твой сосед скоро вернётся... наверное, — она огляделась по сторонам.

Я дёрнул рукой и посмотрел на неё.

Женщина нахмурилась, тут же отпустила меня и отошла на пару шагов.

— Ладно, ты пока осваивайся, — она остановилась в дверях. — Вещи тебе сегодня принесут.

Дверь закрылась очень аккуратно. Послышались удаляющиеся шаги.

— И как долго я буду здесь торчать?

Я посмотрел на большой письменный стол у окна. Пластмассовая перегородка посередине. Левая часть завалена учебниками и всяким хламом.

Правая — моя.

Надеюсь.

— Пока трудно сказать. У нас нет оперативных задач, — медленно ответила Нира. — А мне нужно найти выход на вычислительные мощности. Иначе мы можем застрять здесь на год.

— Не пугай, — возмутился я. — Чего?..

Дверь открылась, и в комнату зашёл мальчишка.

Тёмные волосы, карие глаза, сжатые губы.

— Привет, я Руслан, — он плюхнулся на кровать напротив. — Ты мой новый братик?

Странное ощущение снова захлестнуло меня. Я тряхнул головой, посмотрел на его улыбку с мармеладным червячком в зубах и кивнул.

— Ты... — он замялся и заёрзал на тетрадке. — Это... если тебе пока сложно, можешь молчать. Я нормально.

— Чё? — я уставился на него, наклонив голову.

— Да блин. Ну типа некоторые поначалу молчат, — он опустил взгляд. — Вот я и подумал...

Руслан достал из рюкзака игрушечную машинку и зачавкал мармеладом.

— Я не понимаю. Нира. За что?

— Это и есть детство. Шалости и бесполезные занятия.

Он ловко провернул игрушку в пальцах, и машинка вдруг превратилась в робота.

Я смотрел на него и не понимал. Я же точно видел автомобиль.

— Это ты как сделал? — кивнул я на игрушку у него в руках.

— А-а. Ну так это же трансформер.

Он достал из рюкзака ещё одного робота и протянул мне.

Пластмассовый. С подвижными деталями.

Руки сами начали крутить игрушку, и вскоре у меня получился грузовик.

— Офигеть... — я посмотрел на улыбающегося Руслана. — Такая бесполезная штука, а как сделано. Офигеть.

— Чё сразу бесполезная? — он протянул руку. — Давай сюда тогда, раз не нравится.

Я не стал отдавать игрушку и продолжил её крутить. Руслан тихо хихикнул, но мне и самому было приятно возиться с этой штукой.

— Миша, а твои-то как? Или они живы?

Я вздрогнул.

В памяти не было родителей. Даже смутных образов — только бесконечная череда инструкторов.

— По секрету?

— Ну, — кивнул он.

— Я суперсекретный агент. Меня учили взламывать сервера и драться как ниндзя. Предков не помню.

Руслан засмеялся, а я лишь улыбнулся и продолжил вертеть пластмассового робота.

Пахло детским шампунем с земляникой, крахмалом от постели и чем-то древесным.

— Нира... А мне почему сейчас так? Типа... что это?

— Хм. Мне кажется, ты просто чувствуешь беззаботность и безопасность.

— Это приятно. А почему тогда грустно?

Нира ничего не ответила. Наверное, даже она не знала.

— Тебе тоже грустно? — я поднял голову на братика.

— Угу, — он сглотнул и посмотрел на меня. — Если постоянно чем-то занят, то вроде нормально.

Перед глазами всплыло уведомление.

Какой-то мужчина лет тридцати объявил себя банкротом.

— Ты чё?

— Сообщение только что пришло одному из воспитателей. Решила, тебе будет забавно.

— Рус, а ты знаешь воспитателя Рому?

Я отложил трансформера. Стало интересно.

— Да. Он в соседней группе.

— Хороший?

Руслан улыбнулся и ловко соскочил с кровати. Потом быстро полез под неё.

Снаружи остались только ноги — сгибались, дёргались, шуршали.

Через секунду он вытащил небольшой ноутбук.

— Ты его под кроватью прячешь?!

— Ага! Он мне купил, — прошептал Руслан. — Учит пользоваться. Печатать.

Мальчик выпрямился и гордо задрал подбородок. Ноутбук он держал по бокам, крепко сжав ладонями.

И смотрел на меня.

— Понятно, — я улыбнулся. — Хороший, значит, да?

Руслан резко кивнул и шумно выдохнул.

— Знаешь чё? — он прищурился и сел обратно на кровать. — Он нас даже в кино водит в конце месяца.

— В кино? — мне стало смешно.

— Ну! В торговом центре есть! Мы там весь зал занимаем, — он засмеялся.

Перед глазами мелькнул образ: я выбрасываю очередной ноутбук в реку. Каждый стоил раз в двадцать дороже этой безделушки.

— Не путай работу и заботу, — проворчала Нира.

— Ты чего? — спросил Руслан.

Мальчик сидел на кровати, положив ноутбук на колени, и, наклонив голову, смотрел мне в глаза.

— Задумался, — я пожал плечами.

— Смотри, — он кивнул на ноутбук и похлопал рядом с собой по кровати.

Руслан включил ноутбук и запустил какую-то карточную игру.

— Блин, зачем «Виндовс»-то? — спросил я.

— Чё?

— Это операционная система для повседневных задач. Обычным детям не нужен Kali Linux — им нужны игры и нормальный интерфейс, — снова встряла Нира.

— Не, — я улыбнулся мальчику. — Ничего, забей.

— Кстати, попроси показать его телефон. Мне нужно запомнить сигнатуру, — попросила Нира.

Руслана долго уговаривать не пришлось. Он быстро достал старенький телефон и дал мне подержать.

Получив уведомление, что всё готово, я вернул его обратно.

Из коридора потянуло сладковатым запахом запечённой картошки с мясом.

В животе заурчало. Я машинально положил руку на живот и повернулся к братику.

Тот широко улыбался.

— Скоро уже будем кушать, — он захлопнул ноутбук и полез прятать его обратно.

— А чё ты его прячешь?

— Короче, — донеслось из-под кровати, — Рома попросил пока никому не показывать.

До конца месяца.

— Зачем?

— Ну... типа сделать вид, что это спонсоры подарили.

Он наконец вылез, махнул рукой и пошёл к выходу.

Наевшись и познакомившись с новыми братиками, я решил выйти на улицу. Наши предположения о том, что меня никто не выпустит, оказались совершенно неверными.

Прохладный воздух встретил меня скрипом входной двери.

Я огляделся: обычный забор, калитка с воротами и детская площадка.

На качелях я никогда не катался, поэтому сразу бросился к ним.

Ветер трепал волосы, а я смеялся от нахлынувших ощущений. Будто прыгаешь в воду — и ещё не коснулся поверхности.

На углу здания стояла Инга с каким-то мужчиной. Она выдыхала белый дым и тут же размахивала рукой, растворяя его в воздухе.

— Это категорически неприемлемое поведение, — возмутилась Нира. — Какой пример она подаёт детям?

Мне нечего было ответить.

Сам я ненавидел этот горьковато-кислый запах, хотя от Инги его почти не чувствовал.

Мужчина выглядел странно: мятая оранжевая футболка, узкие бежевые штаны.

Он кивнул в мою сторону.

Воспитательница на секунду оглянулась — и продолжила жестикулировать. Она смеялась, сгибаясь и хлопая мужчину по груди. Тот тоже улыбался, иногда поглядывая в мою сторону.

Вскоре он ушёл, а Инга подошла ко мне. В руках у неё был телефон.

— У тебя одежда уже в комнате, — она кивнула на экран. — В шкаф положили.

— Угу, — кивнул я.

— Слушай, — она села на лавочку справа от качелей, — как тебе здесь вообще?

Я пожал плечами и продолжил раскачиваться. Вязкий скрип разносился по площадке.

— Расскажешь про родителей?

— Я их не очень помню, — соврал я. — Вечно были заняты своими делами. Видел в основном только по выходным. Ну... папу чаще.

— Боже, как ты это придумываешь?! — кажется, Нира даже восхитилась.

— Печально, — воспитательница сжала губы.

Я раскачивался всё сильнее. Хотелось острее почувствовать невесомость.

— Что для тебя любовь?

И я завис.

Как отвечать на такой вопрос, я не знал.

Перед глазами всплыл образ Егора, который позволял мне ночью тихо плакать ему в плечо.

Было ли это любовью?

— Не знаю, — ответил я, глядя в одну точку.

Она встала с лавочки и расправила штанины. Улыбнулась мне и спросила:

— Ты любишь мороженое?

— Нет. Сладкое вредно для эмали зубов, — покачал головой я.

— Никаких возражений, — она взяла меня за руку. — Пошли.

Мы перешли дорогу и оказались у ларька, пахнущего ванилью и молоком. На витрине висели яркие ценники и этикетки.

Взгляд не знал, за что зацепиться.

Всё блестело и манило картинками.

И тут я заметил шоколадную трубочку со сливочной начинкой.

Я сглотнул, не отрывая взгляда.

Инга посмотрела сначала на меня, потом на витрину.

Улыбнулась.

И, наклонившись к окошку, попросила:

— Две «Лакомки», пожалуйста.

Мы отошли в маленький сквер по другую сторону дороги и сели на лавочку.

Я сорвал упаковку и развернул бумажную обёртку.

Шоколад тут же начал таять на пальцах. Я переложил мороженое в другую руку, облизал палец — и замер.

Сладкий сливочный вкус будто накрыл меня целиком.

Я сжал трубочку в ладони и жадно откусил ещё. Сразу пожалел: холод ударил прямо в голову.

А следом снова пришёл ванильный сладкий вкус.

Я неожиданно захихикал и широко раскрыл глаза.

— Это чё так вкусно, Нира? — возбуждённо спросил я.

— Да, классно! Кусай ещё.

Вся ладонь была в шоколаде, и я принялся его слизывать.

Инга держала мороженое за бумажную упаковку и неотрывно смотрела на меня. Потом достала телефон и сфотографировала.

— Это потрясающе, — она смеялась.

— Угу, — ответил я, а потом понял, что речь вообще не про мороженое.

Воспитательница показала экран телефона.

С фотографии на меня смотрел мальчишка, с ног до головы перемазанный шоколадом: губы, нос, щёки, подбородок.

Неловко.

Мы засмеялись. Инга протянула мне влажную мягкую салфетку. Та почти сразу окрасилась в шоколадный цвет.

— Блин, — переводя дыхание, сказал я, — очень необычно...

— Ты не ел мороженое? — она нахмурилась.

— Нет, — выдохнул я. — Вообще никогда.

Мы сидели в тени дерева, тихо шуршавшего листвой. Солнце прорывалось сквозь ветки и зайчиками бегало по асфальту перед лавочкой.

Я не мог оторвать от них взгляд, пытаюсь понять собственные чувства.

Тщетно.

Инга увлечённо рассказывала о жизни в детском доме. И мне вдруг показалось, что говорит она со мной не как с ребёнком.

Она рассказывала, как иногда тяжело с детьми. Что многие не такие сильные, как я, и им нужно помогать принимать реальность.

Телефон зазвонил, когда воспитательница уже доела мороженое. Она отошла к мусорке, попутно прихватив у меня салфетку и обёртку.

— Знаешь... а она мне нравится, — сказал я, не отрывая взгляда от Инги.

— Это замечательная новость, Миша! — обрадовалась Нира.

Глава 3. Бункер

— Я нашла способ достать нам мощности, — Нира заговорила буквально у меня во сне.

Я открыл глаза и резко поднялся.

Всё ещё не привык просыпаться рядом с другим человеком. На часах — шесть утра. В ушах звенело, глаза никак не хотели фокусироваться.

— Нечего так резко вставать, — ехидно проговорила Нира. — Итак, целевое пожертвование на имя Миши Клёнова переведено на счёт детского дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.